

Глава 3. От Средневековья к Ренессансу

65

3.1 Великая депрессия XIV века

67

Большинство людей — историки не исключение — склонны считать экономический и культурный прогресс чем-то непрерывным: в каждом столетии люди становятся лучше тех, кто жил в веке предыдущем. Несостоятельность этого удобного предположения стала очевидной довольно рано, когда за распадом Римской империи последовали Темные Века. Однако считается общепринятым, что с началом «возрождения» в XI столетии прогресс Западной Европы с той поры и до дня сегодняшнего был почти линейным и непрерывным. Понадобились героические усилия на протяжении многих десятилетий таких историков экономики как профессора Армандо Сапори и Роберт Сабатино Лопес, чтобы убедить, наконец, историческое сообщество, что большинство стран Западной Европы примерно с 1300 года и до середины XV века, во времена, которые можно было бы назвать поздним Средневековьем или ранним Возрождением, находилось в состоянии постоянного упадка. Этот постоянный упадок, ошибочно называемый «депрессией», затронул большую часть Западной Европы, за исключением нескольких итальянских городов-государств.

Экономический спад сопровождался резким снижением численности населения. С начала XI столетия экономический рост и процветание способствовали росту народонаселения. Общая численность населения Западной Европы в 1000 году оценивалась приблизительно в 24 млн человек, а к 1340 году

достигла 54 млн. Однако за период чуть более века, с 1340 по 1450 гг., население Западной Европы сократилось с 54 млн до 37 млн человек — на 31% только за одно столетие.

Однако для выявления причины или причин кризиса успех в борьбе за установление факта великого упадка сам по себе мало что дал. Акцент, который делается на вызванном чумой опустошении в середине XIV века, частично оправдан, однако такой подход является поверхностным, поскольку сами вспышки чумы были отчасти обусловлены экономическим крахом и падением уровня жизни в начале столетия. Причины великой депрессии Западной Европы можно выразить одной резкой фразой: недавно установившееся господство государства. Средневековый синтез эпохи Высокого Средневековья существовал, пока сохранялся баланс между властью Церкви и властью государства, с некоторым перевесом Церкви. В XIV веке баланс был нарушен, настала пора господства национального государства, которое на протяжении более чем ста лет преодолевало власть Церкви, увеличивало налоги, регулировало, контролировало и сеяло разруху, ведя практически непрерывные войны («Столетняя война» длилась с 1337 по 1453 гг.).

1. Снижение численности населения по всей Западной Европе было практически равномерным. Население Италии уменьшилось с 10 до 7,5 млн чел., Франции и Нидерландов с 19 до 12 миллионов, Германии и Скандинавии с 11,5 до 7,5 млн, а Испания с 9 до 7 млн. В процентном отношении максимальное падение было в Британии, где число жителей в этот период сократилось с 5 до 3 миллионов.

Первым и важнейшим шагом, увеличившим могущество государства за счет паралича экономики, стало уничтожение ярмарок в Шампани. В эпоху Высокого Средневековья шампанские ярмарки были главным центром международной торговли, центром местной и международной коммерции. Будучи

свободными зонами, эти ярмарки бережно взращивались, не облагались налогами и не регулировались французскими королями и знатью, а правосудие быстро и эффективно осуществлялось конкурирующими частными и купеческими судами. Ярмарки в Шампани достигли своего расцвета в XIII веке, они стали центром сухопутной торговли с Северной Италией, откуда через Альпы доставлялись заморские товары.

68

Филипп IV Красивый

Но потом, в начале XIV века, король Франции Филипп IV Красивый (1285–1314) прибег к налогообложению, грабежам и радикальному уничтожению важнейших шампанских ярмарок. Для финансирования своих постоянных династических войн Филипп обложил ярмарки в Шампани суровым налогом с продаж. Он также посредством неоднократных конфискационных денежных сборов с различных групп и организаций уничтожал отечественный капитал и финансы. В 1308 г. он разгромил богатый орден тамплиеров, конфисковав в пользу королевской казны все его имущество. Затем (в 1306, 1311, 1315, 1320 и 1321 гг.) Филипп прибег к целой серии кабальных сборов и конфискаций с евреев и северных итальянцев («лангобардов»). Кроме того, Филипп, находясь в состоянии войны с фламандцами, нарушил существовавший долгое время обычай, согласно которому на ярмарках приветствовались все купцы, и постановил исключить фламандцев. Результатом этих мер стал быстрый и постоянный упадок торговли на шампанских ярмарках и запустение на торговом маршруте через Альпы. Итальянские

города-государства, отчаянно пытаясь восстановить торговые маршруты, стали направлять товары морем вокруг Гибралтарского пролива в Брюгге, к которому пришло процветание, несмотря на то, что остальная Фландрия пребывала в упадке.

Особенно роковым оказалась введение Филиппом Красивым системы регулярного налогообложения во Франции. До этого никаких регулярных налогов не существовало. В эпоху Средневековья в своей сфере король был всемогущ, однако сама эта сфера была ограничена неприкосновенностью частной собственности. Королю полагалось быть вооруженным гарантом и поборником закона, а его доходы складывались из ренты от королевских земель, феодальных повинностей и сборов. Ничего такого, что можно было бы назвать регулярным налогообложением, не существовало. В случае чрезвычайной ситуации, например, вторжения или начала крестового похода, князь, в дополнение к призывам исполнить феодальную обязанность сражаться под его знаменем, мог обратиться к своим вассалам за субсидией; однако такая помощь оказывалась по просьбе, а не по приказу и ограничивалась продолжительностью чрезвычайного периода.

Бесконечные войны XIV и первой половины XV столетия начались в 1290-е годы, когда Филипп Красивый, воспользовавшись тем, что король Эдуард I ведет войну Англии с Шотландией и Уэльсом, отхватил у Англии провинцию Гасконь. Это положило начало продолжительной войне между Англией и Фландрией с одной стороны и Францией с другой и вызвало отчаянную потребность в средствах, как у английской, так и у французской короны.

У купцов и капиталистов на шампанских ярмарках какие-то денежки водиться, конечно, могли, но самый большой и самый заманчивой зелью королевского грабежа стала католическая

церковь. И английский, и французский монархи приступили к налогообложению Церкви, что привело к столкновению с папой.

Бонифаций VIII

Папа Бонифаций VIII (1294–1303) отважно сопротивлялся этой новой форме грабежа и запретил монархам облагать налогами клир. Король Эдуард в ответ объявил духовенство в королевских судах вне закона, а еще более воинственный Филипп запретил перевозку церковных доходов из Франции в Рим. Бонифацию пришлось отступить и дать согласие на обложение духовенства. Однако в своей булле *Unam Sanctam* (1302) он настаивал, что светская власть обязана подчиняться духовной. Филипп решил, что с него довольно, дерзко захватил папу в Италии и уже был готов подвергнуть его испытанию в ереси, однако смерть престарелого Бонифация оградила его от суда. В тот момент Филипп Красивый покусился на папство как таковое и перенес престол римско-католической церкви из Рима в Авиньон, где сам стал назначать пап. На протяжении практически всего XIV века папа пребывал в своем «вавилонском плену», оставаясь жалким орудием французского короля; в Италию папа вернулся только в начале XV столетия.

69

Таким образом, некогда могущественная католическая церковь, верховная власть и духовный авторитет эпохи Высокого

Средневековья, была унижена, став, по сути, вассалом французского венценосного правителя.

Упадок церковной власти сопровождался ростом могущества абсолютного государства. Не ограничиваясь конфискациями, грабежом, налогообложением, уничтожением ярмарок в Шампани и переводом католической церкви на второй план, Филипп Красивый, добывая средства на свои бесконечные войны, не брезговал также и порчей монет, порождая тем самым вечную инфляцию.

Больших *прямых* разрушений войны XIV века не причиняли: армии были малочисленными, а военные действия нерегулярными. Наибольший урон и опустошение наносили тяжелые налоги, денежная инфляция и постоянные заимствования ради финансирования вечных королевских авантур. Огромный рост налогообложения стал самым разрушительным аспектом войны. Расходы на войну: вербовка скромной по размерам армии; выплата жалования; снабжение и фортификационные сооружения — все это в 2–4 раза превышало обычные расходы короны. Добавьте к этому высокие издержки по налогообложению, сбору налогов и обслуживанию кредитов, и тогда неподъемное бремя военных налогов станет очевидным.

Новые налоги вводились повсеместно. Мы уже знаем, какое удушающее воздействие оказало налогообложение Церкви; у крупной монастырской фермы изымали зачастую более 40 процентов чистой прибыли. Единый подушный налог в размере одного шиллинга, взимаемый английской короной в 1380 году, лег тяжким грузом на крестьян и ремесленников. Налог достигал размера месячной заработной платы для сельскохозяйственных рабочих и недельной заработной платы для рабочих городских; более того, поскольку многим бедным рабочим и крестьянам платили натурой, а не деньгами, накопить деньги на уплату налога было особенно трудно.

Другие новые налоги взимались *ad valorem* (в зависимости от ценности) по всем операциям; налоги на оптовую и розничную торговлю напитками; сборы на соль и на шерсть. Для борьбы с уклонением от уплаты налога правительства учредили монопольные рынки сбыта соли во Франции и «штапельные пункты» для английской шерсти. Налоги ограничили предложение и взвинтили цены, нанеся огромный вред английской шерстяной торговле. Производству и торговле 70 препятствовали также массовые королевские поборы, ставшие причиной резкого падения доходов и богатства, а также разорения производителей. Говоря коротко, короли обескровили экономику, и от этого страдали и потребители, ввиду искусственно завышенных цен, и производители, ввиду низкой доходности. Государственные заимствования едва ли были полезнее, их следствием стали повторявшиеся вновь и вновь королевские дефолты, влекшие за собой огромные убытки и банкротства тех частных банкиров, которые оказались достаточно неразумными, чтобы предоставлять займы правительству.

Новые налоги, введенные лишь на «чрезвычайный» период войны, постепенно становились нормой: не только потому, что война шла на протяжении более сотни лет, но и потому что государство, неизменно стремясь увеличить свои доходы и могущество, ухватилось за прекрасную возможность превратить временные военные налоги в постоянную часть национального достояния.

С середины и до конца XIV столетия Европу поразила разрушительная пандемия бубонной чумы — «Черная смерть», попросту выкосившая за короткий промежуток 1348–50 годов целую треть населения. «Черная смерть» стала во многом следствием сильной депрессии и снижения уровня жизни народа; итог — потеря резистентности к заболеванию. Каждое

десятилетие вспышки чумы повторялись, хотя и не в такой вирулентной форме.

Способность человеческого рода к выживанию оказалась столь велика, что на европейское население эта колоссальная трагедия долговременного катастрофического социального или психологического воздействия практически не оказала. Наиболее долговременным осложнением, которое в определенном смысле дала «Черная смерть» стали ответные действия английской короны: введение постоянного контроля максимальных ставок заработной платы и обязательного нормирования труда в английском обществе. На резкое снижение численности населения и, как следствие, удвоение ставок заработной платы, правительство в Указе 1349 года и в Статуте о работниках 1351 года отреагировало введением сурового контроля максимальных ставок заработной платы. Контроль максимальных ставок заработной платы был установлен по наущению класса нанимателей: крупных, средних и мелких землевладельцев, мастеров-ремесленников, групп фермеров, особенно обеспокоенных ростом ставок заработной платы в сельском хозяйстве. Указ и Статут, вопреки законам экономики, пытались обеспечить контроль максимальных ставок заработной платы на уровнях, существовавших до чумы. Неизбежным результатом, однако, стала серьезная нехватка рабочей силы, поскольку при установленной Статутом максимальной ставке заработной платы спрос на труд во много раз превысил его тогдашнее скудное предложение.

В тщетной попытке разрешить старые проблемы очередное правительственное вмешательство создает новые. Правительство всякий раз сталкивается с выбором: наслаивать все новые и новые интервенционистские меры для разрешения вновь появляющихся необъяснимых проблем или отменить первоначальное вмешательство. Инстинкт правительства,

конечно же, велит максимизировать богатство и власть, осуществляя все новые и новые интервенции. Этому и способствовал английский Статут о работниках, который навязывал всем жителям Англии в возрасте до 60 лет принудительный труд по старым ставкам заработной платы; было объявлено, что первым претендентом на труд является хозяин (лорд) той или иной территории. Из-за этого ограничивалась мобильность рабочей силы; для работодателя наем работника, оставившего бывшего хозяина, становился уголовным преступлением. Таким образом, английское правительство прибегло к нормированию труда, намереваясь зафиксировать работников на рабочих местах, на которых они работали до чумы, и сохранить прежние ставки заработной платы.

Такое принудительное нормирование труда не совместимо с естественной склонностью людей к переездам в поисках более высокого заработка, и потому неизбежное возникновение черного рынка труда затруднило исполнение данного Статута. В Кембриджском статуте 1388 года английская корона снова предприняла отчаянную попытку ужесточить нормирование. Любые передвижения рабочей силы без письменного разрешения со стороны местных судей запрещались, а в сельском хозяйстве вводился обязательный детский труд. Однако кто-то постоянно вмешивался в действия этого картеля принуждающих нанимателей, в особенности те крупные работодатели, которые желали и были в состоянии выплачивать заработную плату по более высоким ставкам. Громоздкий английский судебный аппарат оказался совершенно неэффективным в обеспечении соблюдения законодательства, хотя монопольные городские гильдии (монопольные — благодаря поддержке государства) все-таки сумели обеспечить частичный контроль ставок заработной платы в городах.

3.2 Абсолютизм и номинализм: крушение томизма

Наряду с ростом могущества абсолютного государства стали появляться и теории абсолютизма, отодвигающие на второй план доктрину естественного права. Принятие теории естественного права предполагает в конечном счете, что государство должно ограничить себя рамками естественного закона или закона божьего. Однако появились новые политические теоретики, утверждавшие господство мирского над духовным, а также верховенство позитивного государственного права над естественным правом или божественными установлениями. Первым и самым значительным из таких апологетов абсолютизма в эпоху позднего Средневековья стал Марсилий Падуанский (1275–1342) со своей знаменитой книгой «Защитник мира» (*Defensor Pacis*) (1324).

Марсилий Падуанский

Марсилий, сын адвоката из Падуи, занимал пост ректора Парижского университета. Как полагал Марсилий, государство превыше всего, и оно должно прислушиваться только к самому себе и во имя самого себя. Такое прославление государства сопровождалось отрицанием способности человеческого разума прийти к познанию какого-либо естественного закона, лежащего за пределами предписывающих государственных указов.

Марсилий полагал, что разум должен быть отделен от правосудия и человеческого общества. Правосудие не имеет рационального основания; оно является чисто мистическим и представляет собой исключительно вопрос веры. Божьи заповеди абсолютно произвольны и загадочны и не могут быть поняты в терминах рационального или этического содержания.

Вследствие этого позитивное право не имеет ничего общего с доводами разума; оно принимается во имя «жизни и здоровья государства». Согласно Марсилию нация есть организм, а государство — его голова. Как пишет профессор Роткруг «Марсилий утверждает, что государство есть живой организм, не подвластный разуму, ибо, подобно растению, оно развивается в соответствии с врожденными импульсами».

2. (Lionel Rothkrug, *Opposition to Louis XIV: The Political and Social Origins of the French Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 14.)

Из политической философии Марсилия делается следующий политический вывод: государство, будь то королевство или итальянский город-республика, в своих пределах должно иметь абсолютную власть и не подлежит ни светскому контролю, ни церковной юрисдикции. Таким образом, религиозный католик Марсилий, настаивая на том, что Церковь не может иметь светской власти над государством, на два столетия предвосхитил *политик* Франции и других стран. Марсилий, по сути, стал предвестником и пособником распада средневекового порядка в Европе.

Идейный упадок томизма, случившийся в XIV веке, также оказал разрушительное воздействие на достижения Высокого Средневековья. Причиной упадка стал францисканский фидеизм, основоположником которого был английский оппонент св. Фомы великий Иоанн Дунс Скот. Ранее считалось, что разрушение

томизма было доведено до логического конца в XIV столетии францисканским философом из Оксфорда Уильямом Оккамом (около 1290–1350).

Уильям Оккам

Считалось, что номинализм Оккама отрицает способность человеческого разума постигнуть важнейшие истины о человеке и Вселенной и, следовательно, сводит на нет и способность разума создать стройную систему человеческой этики. Только божественное волеизъявление, зримое посредством веры в откровение, может служить источником истины, законов и этики. Совершенно очевидно, что номинализм проложил путь современному скептицизму и позитивизму, ибо если вера в божественную волю оставлена, то разум теряет способность постигать научные или этические истины. В области политики номинализм не сумел достичь стандартов противостояния с государством, установленных естественным правом, и поэтому вполне соответствовал все возрастающему в эпоху Возрождения абсолютизму государства.

Недавние исследования, однако, ставят под серьезное сомнение, действительно ли Оккам и его последователи были номиналистами, или они все-таки были в достаточной степени эссенциалистами и верили в естественное право. Так, оказалось, что выдающийся современник Оккама итальянский августинец Григорий Риминийский (ум.1358) в действительности не являлся

номиналистом, но был убежденным защитником эссенциализма, разума и естественного права. В отличие от Оккама и его последователей, Григорий считал, что естественный закон исходит не из божественного волеизъявления, но диктуется истинным разумением, тем самым сделав еще один шаг в направлении той последовательной рационалистической позиции, которая, по общему признанию, была выдвинута лишь три столетия спустя голландским протестантским философом и правоведом Гуго Гроцием. Согласно этой позиции считалось, что даже в отсутствие Бога система естественного закона дарована нам велением истинного разумения, нарушение которого по-прежнему считается грехом. Таким образом, как выразился Григорий: «Если в силу невозможности божественной причины или несуществования самого Бога, или если эта причина оказалась ошибочной, или если кто-либо вынужден действовать против истинного разумения, ангельского, человеческого или любого иного, все равно он совершает грех».

3.3 Полезность и деньги: Буридан и Орем

Великий французский ученый и философ Жан Буридан де Бетюн (1300–1358), родившийся в Пикардии и ставший ректором Парижского университета, внес важный вклад в экономическую мысль в рамках традиции эссенциалистского томизма, несмотря на то, что сам был францисканцем и учеником Уильяма Оккама. В своих, подробных комментариях к «Этике» Аристотеля *Quaestiones* Буридан в традициях Аристотеля и Фомы продолжил в анализ меновой ценности товаров, определяемой нуждами потребителей или полезностью. Однако особый акцент Буридан делал на то, что дом, к примеру, никогда не стал бы обмениваться на какой-то один предмет одежды, поскольку строитель в этом случае отказался бы от блага, равного по ценности годовому запасу пищи, ради гораздо менее ценного блага. Иначе говоря, Буридан уже нащупывал концепцию альтернативных издержек при затратах на производство продукции и их влияния на предложение.

73

Еще важнее, что Буридан идет дальше Ричарда Миддлтона в анализе взаимной выгоды, которую каждая из сторон обязательно получает в результате обмена. Обсуждая обмен, Буридан отмечает, что в итоге обе стороны оказываются в выигрыше, и что торговля не является, как многие полагают, разновидностью войны, в которой лишь одна сторона извлекает выгоду за счет другой. Более того, Буридан в ходе весьма изощренного анализа наглядно показывает, что при обмене двумя благами обе стороны могут извлекать пользу, даже если такой обмен считается аморальным и должен осуждаться по этическим или богословским основаниям. Так Буридан высказывает весьма провокационную гипотезу:

Сократ потому охотно и с ее согласия предоставил свою жену Платону для прелюбодеяния, что в обмен получил десяток книг. Кто же тогда понес убытки, а кто оказался в выигрыше? ... Оба пострадали, в смысле ран душевных ... [но] в отношении внешнего блага каждый оказался в выигрыше, поскольку теперь имеет больше того, в чем нуждался.

Для Буридана, как и для большинства других схоластов, справедливой ценой была рыночная цена. Буридан также подробно проанализировал, каким образом общие человеческие потребности и полезность воплощаются в рыночных ценах. Чем больше потребность и, следовательно, чем выше спрос, тем выше цена; и также сокращение предложения продукта ведет к росту его рыночной цены. Кроме того, товар дороже в том месте, где он *не* производится, по сравнению с местом его производства, поскольку именно там на него имеется больший спрос; не доставало всего лишь необходимой концепции предельной полезности, чтобы анализ спроса, предложения и цены получил законченный вид. У Буридана имеются также намёки на различия в оценках, которые делают участники рынка, и которые приводит в результате к единой цене, при этом психологический выигрыш для каждого участника — потребителя и производителя — оказывается различным.

Но главным достижением Жана Буридана в области экономической теории стало создание им теории денег в почти современном ее виде. Аристотель описал преимущества денег и показал, как они решают проблему бартера — двойного совпадения потребностей. Однако его наблюдения были омрачены той неискоренимой ненавистью, которую он испытывал к торговле и зарабатыванию денег. Для Аристотеля, следовательно, деньги не были чем-то естественным, они были результатом соглашения, они, по сути, являлись творением государства или *полиса*. Теория денег Аквината в основном

ограничивалась рамками-оковами аристотелевской теории. От этих оков сумел избавиться только Жан Буридан, выдвинувший свою «металлическую» или товарную теорию денег, согласно которой деньги возникают естественным образом как полезный рыночный товар. И рынок сам выбирает средство обмена — это почти всегда металлы, если таковые имеются — обладающее наилучшими качествами, чтобы служить в качестве денег.

74

Тогда, согласно Буридану, деньги есть рыночный товар и цена этих денег, как и в случае прочих рыночных товаров, «должна определяться человеческими потребностями». Подобно тому, как цены обмениваемых товаров «пропорциональны человеческим потребностям, они будут пропорциональными и по отношению к деньгам, которые сами пропорциональны человеческой потребности». Так Буридан замечательным образом обозначил метод определения ценности или цены денег на тех же принципах полезности, которые определяют рыночные цены и других товаров: метод, разработку которого австрийский экономист Людвиг фон Мизес завершил полностью лишь через шесть столетий — в 1912 году — в своей работе «Теория денег и фидуциарных средств обращения».

(В книге «Теория денег и фидуциарных средств обращения» (1912) автор, в частности, интегрировал теорию предельной полезности и теорию денег, решив фундаментальную экономико-теоретическую проблему, которая до него считалась неразрешимой. Это решение он положил в основание теории ценности денег, трактуемых как самостоятельный класс товаров (наряду с предметами потребления и товарами производственного назначения), опроверг концепцию нейтральности денег, разработал исчерпывающую типологию денежных средств обмена. Введенное Мизесом понятие фидуциарных средств обращения (специфическая разновидность денежных заместителей) позволило ему дать корректное экономико-теоретическое описание банковской деятельности и выдвинуть теорию экономического цикла.

Предвосхищая австрийцев Менгера и фон Мизеса, Буридан настаивает на том, что эффективно функционирующие деньги должны быть выполнены из материала, обладающего ценностью, не зависящей от его денежной функции, т.е. они должны быть рыночным товаром, изначально полезным для не монетарных целей. Затем Буридан перечислил те качества, благодаря которым рынок выбирает тот или иной товар в качестве средства обмена или денег: мобильность, высокая ценность на единицу веса, делимость и долговечность — качества которыми в наибольшей степени обладают драгоценные металлы — золото и серебро. Таким образом, Буридан изложил классификацию денежных качеств товаров, которая стала неотъемлемой частью первой главы бесчисленных учебников по банковскому делу и денежному обращению вплоть до конца эры золотого стандарта, завершившейся в 1930-е годы.

Буридан не только выдвинул теорию денег как рыночного явления; он, таким образом, избавил деньги от мистического ореола исключительно государственного творения и поставил их в качестве товара в один ряд с прочими рыночными товарами.

В рамках анализа кривой безразличия в 1930-х годах появилась не очень удачная современная производная буридановой теории волеизъявления. Буридан постулировал совершенно рационального осла, оказавшегося между двумя одинаково привлекательными охапками сена и на равном расстоянии от них. Не умея их различить и поэтому не в состоянии сделать выбор, совершенно рациональный осел не смог выбрать ни одну из охапок и, таким образом, умер с голоду. В этом примере упускается из виду, что существует и третий вариант, который предполагаемому ослу понравился бы меньше

всего: умереть с голоду. Так что «совершенно рациональный» осел, поэтому, *не* умер бы с голоду, а скорее всего, выбрал бы, пусть и в случайном порядке, одну из двух охапок сена (а затем перешел и ко второй).

3. О Буридане и современном анализе безразличия см. Joseph A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954) pp. 94n, 1064. Критический анализ см. Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State* (1962, Los Angeles: Nash Publishing Co. 1970), I, pp. 267–8.)

Вплоть до самого последнего времени в стандартных учебниках по истории экономической мысли, если в них шла речь о каких-либо предшественниках меркантилистов или Адама Смита, кратко упоминались только два имени: св. Фома Аквинский и Николай Орем (1325–82).

Николай Орем

Хотя Орем, прославленный французский математик, астроном и физик, был одним из самых значительных европейских интеллектуалов XIV столетия, его вклад в экономическую мысль едва ли был удостоен столь же исключительного внимания. Орем, ученик и последователь Жана Буридана, был автором

схоластических комментариев к Аристотелю. Он преподавал в Парижском университете, а в дальнейшем стал епископом Лизье. В 1350-х годах Орем пишет свою известную работу «Трактат о происхождении, природе, законе и перечеке денег» (*A Treatise on the Origin, Nature, Law and Alterations of Money*), в которой применяет учение своего наставника о твердых деньгах. К этому Орема подвигла лихорадочная порча денег, затеянная французскими королями в первой половине XIV века. В прошлые столетия, до появления бумажных денег в конце XVII века и до возникновения централизованной банковской системы, единственным способом, посредством которого монархи могли получить доход от манипуляций с деньгами, было обесценение монеты — изменение определения денежной единицы путем облегчения ее веса относительно базовых денег — золота или серебра. Если, к примеру, денежная единица определялась равной 10 унциям серебра, то государство могло воспользоваться своей монополией на чекан и переопределить денежную единицу как 9 унций серебра, а затем в процессе перечеки прикарманить разницу. Оставшиеся унции пойдут на чекан новых монет для нужд короля и будут потрачены на войну, строительство дворцов, а также на другие якобы достойные вещи.

Британская денежная единица фунт стерлингов получила свое название много веков назад и первоначально определялась как просто один фунт серебра. Процесс порчи денег в Великобритании привел к тому, что «фунт» в настоящее время «весит» меньше $1/4$ серебряной унции.

До появления бумажных денег и центральных банков обесценение был единственным процессом, посредством которого правитель мог изменить ценность своей валюты и тем самым увеличить денежное предложение (в смысле количества денежных единиц), вызывая тем самым ценовую инфляцию. У короля имелись все возможности, чтобы используя свое

монопольное право на чеканку монет, осуществлять неоднократные обесценения денежной единицы ради собственной выгоды и за счет остальной части народа.

Важнейшим вкладом Орема в денежную теорию стала впервые данная именно им четкая формулировка закона, впоследствии получившего известность как «закон Грешема», то есть идеи о том, что если относительная ценность двух или более денежных единиц законодательно устанавливается государством, тогда деньги, переоцененные государством, вытеснят из обращения недооцененные деньги. Таким образом, если правительство постановляет, скажем, что 1 унция золота по закону равна по ценности 10 унциям серебра, при том, что на свободном рынке она равняется 15, то люди начнут расплачиваться со своими кредиторами и поставщиками деньгами, переоцененными законом (серебро — это «плохие деньги»). А копить станут недооцененные деньги (золото — это «хорошие» деньги) или будут экспортировать их в другую страну, где смогут продать их по рыночной цене. Закон Грешема в просторечии часто сводился к тому, что: «плохие деньги вытесняют хорошие», однако такая формулировка ведет к парадоксам и является неудовлетворительной. Поскольку из нее следовало бы, что тогда как все остальные хорошие рыночные продукты вытесняют плохие, у свободного рынка имеется какой-то глубинный изъян, который вынуждает предпочитать плохие деньги хорошим. Но, как разъяснил в начале XX века Людвиг фон Мизес, закон Грешема является продуктом не свободного рынка, но государственного денежно-кредитного регулирования. Фиксация им относительной ценности денег является частным случаем общих последствий любого контроля цен, т.е. возникает дефицит блага, цена которого контролируется максимально, и «излишек» блага, ценовой контроль которого минимален. В случае денег, как в нашем примере, от максимального ценового

контроля страдает золото и поэтому оно в дефиците, тогда как ценность серебра поддерживается искусственно и, следовательно, оно по отношению к золоту в избытке.

Самая первая формулировка закона Грешема была озвучена в сатирической пьесе древнегреческого драматурга Аристофана, который в «*Лягушках*» делает характерное заявление: «В нашей республике плохих граждан предпочитают хорошим, точно так же, как плохие деньги остаются в обращении, а хорошие деньги исчезают».

Или подробнее:

Часто кажется, что город граждан и сынов своих,
И достойных и негодных, ценит совершенно так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан.
Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
Лучшими из самых лучших, знаменитыми везде
Среди эллинов и даже в дальней варварской стране,
С крепким, правильным чеканом, с пробой верной, золотой
Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые, наспех, дрянь и порча, без цены.

Аристофан. «Лягушки».

Перевод с греческого — Пиотровский А. И.

4. Laurence Laughlin, *The Principles of Money* (New York: Charles Scribner's Sons, 1903), p. 420.

Орем, однако, сформулировал этот закон убедительно и строго, подчеркнув, что источником денежных нарушений является установление цен государством: «если юридически зафиксированное соотношение монет отличается от рыночной цены металлов, то недооцененная монета полностью исчезает из обращения, а переоцененная монета остается единственной валютой».

В своем «Трактате» Орем применил металлическую теорию денег своего наставника Буридана и раскритиковал политику французских королей по обесценению монеты. Осуждать *саму* королевскую монополию на чекан Орем не стал, однако то, что всю проблему чеканки монет он перевел из сферы королевского суверенитета, тщательно укутанного покровом мистики, в сферу практического удобства, уже само по себе было подвигом. Ибо король не имеет права укрывать чекан монет под мистическим покровом королевской прерогативы и абсолютной королевской воли, он должен управлять в интересах общества. Поэтому он обязан поддерживать стандарты веса и чеканки; частые изменения таких стандартов «разрушают уважение и порождают «скандалы и ропот среди народа и чреватые неповиновением». Поэтому определение ценности денежной единицы должно быть зафиксировано законом. Частые изменения и обесценения, отмечал Орем, ведут к тому, что деньги и монеты утрачивают свое свойство служить мерой ценности; это навредит и внутренней, и внешней торговле. Это оттолкнет иностранных купцов, поскольку у них не будет хороших, безопасных денег, с которыми можно работать, а у отечественных купцов не останется каких-либо прочных коммерческих связей. Деньги нельзя будет безопасно ссужать, и не будет никакого способа правильно оценивать денежные доходы.

Более того, поскольку обесцененные деньги у себя в стране будут цениться ниже, золото или серебро начнут вывозить за границу, где их рыночная ценность выше. Таким образом, Орем первым, пожалуй, обратил внимание на то, что деньги стремятся перетекать в те районы и страны, где их ценность выше, и утекать из тех стран, где их ценность ниже.

У Николая Орема не было никаких иллюзий в отношении причин постоянно осуществляемого королями обесценения денег. Как выразился Орем: если король «вынужден говорить

обычную ложь тирана о том, что прибыль от обесценивания направляется на нужды народа, то верить ему нельзя, потому что точно также он мог бы взять мое пальто и сказать, что оно необходимо ему для служения обществу».

В буриданов анализ возникновения денег из рыночных товаров Орем внес свои дополнения: он сделал акцент на легкости перемещения и на высокой ценности на единицу веса. Он отметил также, что после эпохи, когда точные количества золота или серебра взвешивались при каждой сделке, наступило время, когда чтобы гарантировать определенное количество золота или серебра в каждой монете люди стали чеканить из драгоценных металлов монеты с надписями и с изображением голов (правителей). При этом золото, как более ценные деньги, обычно использовалось для крупных сделок, тогда как серебро или даже медь, могли использоваться для мелких покупок.

3.4 Не такой как все: Генрих фон Лангенштейн

Ученик Буридана и тоже номиналист, Генрих фон Лангенштейн старший (также известный как Генрих Гессенский) (1325–97), хоть не и имел большого значения как философ-схоласт в свое время или в последующие века, тем не менее, причинил огромный вред современным интерпретациям истории экономической мысли. Лангенштейн, преподававший сначала в Парижском университете, а затем в Вене, начинает анализ справедливой цены в своем «Трактате о договорах» (*Treatise on Contracts*) в обычной для схоластов манере: справедливая цена — это рыночная цена, являющаяся грубым мерилom человеческих нужд потребителей. Эта цена является результатом расчетов индивидов относительно их потребностей и оценок, а эти последние, в свою очередь, зависят от относительного недостатка или избытка предложения, равно как недостатка или избытка покупателей.

Сказав это, Лангенштейн тут же принялся себе противоречить. Лангенштейн призвал местные органы власти вмешаться и заняться регулированием цен, что весьма печальным образом отразилось на истории экономической мысли. Регулирование цен показалось ему почему-то лучшим путем к справедливой цене, чем свободное взаимодействие рыночных сил. Другие схоласты не возражали против регулирования цен; для них рыночная цена была справедливой в независимости от того, была она результатом общей оценки рынка или устанавливалась государством. Но в их трудах подразумевалось, по крайней мере, что свободный рынок был лучшим (или хотя бы не худшим) средством определения справедливой цены. Лангенштейн оказался единственным, кто прямо высказался в защиту установления цен государством.

Более того, Лангенштейн прославился как автор еще одной экономической ереси. Он советовал властям устанавливать цену таким образом, чтобы каждый продавец, будь то торговец или ремесленник, мог сохранить свой общественный статус или «жизненное состояние». Справедливая цена оказывалась ценой, при которой сохранялось его привычное положение — не больше и не меньше. Если же продавец пытался назначать цену выше цены отвечающей его положению, то он оказывался виновным в грехе сребролюбия.

Среди схоластов и мыслителей позднего Средневековья Лангенштейн оказался в полной изоляции. Концепции «жизненного состояния» при определении справедливой цены не поддержал никто. А сам св. Фома Аквинский даже весьма эффективно раскритиковал эту идею, язвительно заявив:

При справедливом обмене средство обмена меняется не в соответствии с социальным положением лиц, участвующих в обмене, но только в соответствии с количеством товара. Например, кто бы ни покупал вещь, он должен заплатить столько, сколько она стоит, вне зависимости от того, покупает он ее у нищего или у богатого человека.

78

Иначе говоря, на рынке цены одинаковы для всех, богатых или бедных и, более того, рыночное ценообразование — это справедливый метод установления цен. Согласно причудливой идее Лангенштейна богатый продавец того же самого продукта был вынужден, конечно же, продавать его по гораздо более высокой цене, чем бедный продавец, и маловероятно, чтобы при этом богатый смог долгое время продержаться в бизнесе.

Насколько возможно определить, ни один мыслитель Средневековья или эпохи Возрождения не принял эту теорию «жизненного состояния», и только двое последователей заняли

аналогичную позицию относительно ценового регулирования. Одним из них был Матвей Краковский (ок.1335–1410), профессор богословия в Праге, а впоследствии ректор Гейдельбергского университета и архиепископ вормсский. А также и в особенности Жан Жерсон (1363–1429), французский номиналист и мистик, канцлер Парижского университета.

Жан Жерсон

Жерсон, впрочем, проигнорировал понятие «жизненного состояния» и вернулся к взглядам Джона Дунса Скота XIII века, согласно которым справедливая цена равна издержкам производства плюс компенсация поставщику за его труды и взятые на себя риски. Поэтому Жерсон призвал к государственному регулированию цен с целью приведения их в соответствие с якобы справедливой ценой. Жерсон оказался настоящим фанатиком государственного регулирования цен и выступал за расширение сферы его применения, которая традиционно ограничивалась пшеницей, хлебом, мясом, вином и пивом — регулирование должно было распространиться на все товары. К счастью, влияние воззрений Жерсона тоже оказалось незначительным.

Влияние фон Лангенштейна едва ли было существенным в его время или в последующие времена; значение, которое ему придают, объясняется тем обстоятельством, что из заслуженной безвестности его извлекли позднейшие социалистические и государственно-корпоративистские историки XIX века, которые воспользовались его бессмысленным «жизненным состоянием»,

пытаясь представить совершенно искаженную картину католического Средневековья. Согласно их мифологии в ту эпоху доминировало представление, будто каждый мог запрашивать только справедливую цену, чтобы удержаться в своем божественно установленном, как предполагалось, «жизненном состоянии». Таким способом эти историки прославляли несуществующее статусное общество, в котором каждый человек или группа встроены в гармоничную иерархическую структуру, не потревоженную рыночными отношениями или капиталистической алчностью. Впервые подобное бессмысленное представление о Средневековье и о воззрениях схоластов выдвинули в конце XIX века немецкие социалистические и государственно-корпоративистские историки Вильгельм Рошер и Вернер Зомбарт, и уже потом их подхватили такие влиятельные авторы, как англиканский социалист Ричард Генри Тоуни и католический корпоративист ученый и политик Аминторе Фанфани. И наконец, эта доктрина, выросшая из воззрений одного-единственного малоизвестного схоласта-отщепенца, вошла в стандартные учебники истории экономической мысли, откуда ее и позаимствовал сторонник свободного рынка, но при этом фанатичный противник католической церкви экономист Фрэнк Найт и его последователи из весьма влиятельной в настоящее время Чикагской школы.

Новое понимание, скорректированное относительно прежних воззрений, стало, наконец, доминирующим после Второй мировой войны, благодаря огромному авторитету Йозефа Шумпетера и исследованию Рэймонда де Рувера, окончательно расставившему все точки над *i*.

79

3.5 Ростовщичество и сделки с иностранной валютой в XIV веке

В большинстве сочинений схоластов начисление процентов по кредиту по-прежнему считалось ростовщичеством и осуждалось: только меньшая часть схоластов последовала за кардиналом Гостензисом и Оливи, допустив *lucrum cessans* — возмещение упущенных инвестиций — и то лишь в отношении кредитов на благотворительность и не распространялось на профессиональных ростовщиков. Не лучше обстояли дела и с валютным обменом. В сочинениях большей части схоластов, включая труды св. Фомы, такие операции попросту осуждались как ростовщические, как попытка начисления процентов на бесплодные деньги.

Однако к XIII и XIV векам в качестве кредитных инструментов получили распространение переводные векселя, особенно в сделках с зарубежными валютами. Разрабатывались все более изощренные формы валютных операций, в которых менялы могли взимать и выплачивать проценты по кредиту, однако такие операции осуществлялись под видом покупки или продажи иностранной валюты. Хотя большинство схоластов, опять-таки, по-прежнему осуждало сделки с иностранной валютой, в XIV столетии, однако, появилось мужественное меньшинство, вставшее на защиту этих широко распространенных теперь операций, которыми на протяжении долгого времени не брезговала и сама Церковь. Все начиналось постепенно, когда личный ученик Аквината, Жиль де Лессин, хоть и имевший весьма путаные представления о валютном рынке, вдруг заговорил о риске, как оправдании подобных кредитных операций. Он также показал, что меняла отдает чуть «больше полезности» своему клиенту, чем получает взамен, что и

дает ему право на дополнительную плату. Но главным защитником валютного рынка стал видный францисканец Александр Бонини, также известный как Александр Александрийский или Александр Ломбардский. Бонини делал академическую карьеру в Парижском университете, затем преподавал богословие при папском дворе и, наконец, служил францисканским епископом в своей родной Ломбардии, в которой обитали самые печально известные ростовщики того времени. В своем «Трактате о ростовщичестве», в лекции, прочитанной им в Генуе в 1307 году, Александр бескомпромиссно защищает знакомые ему валютные операции, хотя без традиционных выпадов в адрес ростовщичества не обошлось и тут. Александр, критикуя последователей Аристотеля, заметил, что деньги не могут иметь только одну функцию и выступать лишь в качестве бесплодного средства обмена, поскольку имеется множество разных монет и эти монеты требуется обменивать. Более того, ценность обмениваемых таким образом монет надлежащим образом определяется не законом, а весом монет и их содержанием. Александр также согласился с идеей Жюль де Лессина, что меняла предоставляет большую полезность своему клиенту в денежных операциях, чем получает сам. Что касается кредитных операций в иностранной валюте, то Александр Ломбардский не защищал все их разновидности, но защищал *lucrum cessans*, поскольку в промежутке между началом и концом сделки ценность денег меняется. Александр по существу одним из первых заметил, что спрос на деньги может меняться и действительно меняется во времени, что влечет за собой изменение ценности денег. Понятие *Lucrum cessans* послужило своего рода раскалывающим клином для обоснования схоластами того основного метода, позволившего в эпоху Высокого

Средневековья и в последующие века обходить запрет на ростовщичество.

Показательно, что Александр начал свою защиту с практического соображения: «Церковь всегда осуждает и преследует ростовщиков, но она не осуждает и не преследует меня, она, скорее, способствует им, как это видно из деятельности Римской Церкви».

Аргументацию Александра Ломбардского в защиту валютного рынка дословно повторил его ученик и преемник францисканский епископ Ломбардии Астезанус (ум. 1330). Астезанус, как и его наставник, был родом из Ломбардии, из Асти (современный Пьемонт — прим. *пер.*), одного из основных центров тогдашнего международного ростовщичество. Главным трудом Астезануса была *Summa* (1317). Астезануса, как и его предшественника, впечатлил тот факт, что «римская церковь способствует менялам». Более того, он не только рассуждал как Александр, он прямо выступил в защиту *lucrum cessans*, став одним из первых богословов не канонистов занявших такую позицию.

Генрих фон Лангенштейн, единственный из всех упомянутых нами выдающихся авторов XIV века, кто осудил, что вполне ожидаемо, всех дилеров иностранной валюты как ростовщиков *per se*. Даже Николай Орем лишь повторил Аристотелев предрассудок, что мол торговля деньгами за деньги неестественна, поскольку деньги бесплодны. При этом Орем, не квалифицируя обменные операции ростовщическими *per se*, обозвал в приступе ненависти обмен иностранной валюты «мерзким» занятием, пачкающим душу так же, как очистка канализационных стоков пачкает тело.

И наоборот, наставник Орема Буридан выступил в защиту операций по обмену иностранной валюты, выделив два вида обмена: один, при котором меняла «получает столько, сколько

отдает» — вполне достойный, в духе традиции Аристотеля-Аквината — и другой, при котором меняла «получает больше, чем отдает». И здесь Буридан делает еще один решительный шаг, сокрушая некоторые из тех иррациональных барьеров, которыми схоласты ограничили денежные операции. Ибо законными могут считаться даже сделки, отнесенные Буриданом ко второй категории, сделки, в которых эквивалентности при обмене нет, но при условии, что обмен способствует «общему благу». Новая концепция Буридана, хоть и не распространявшаяся на обычное ростовщичество, посеяла, однако семена будущего полного оправдания валютных банкиров.

На рубеже XV века искушенным флорентийском светским знатоком канонического права Лоренцо ди Антонио Ридольфи (1360–1442) была создана целостная система радикальных аргументов в защиту биржевых контрактов.

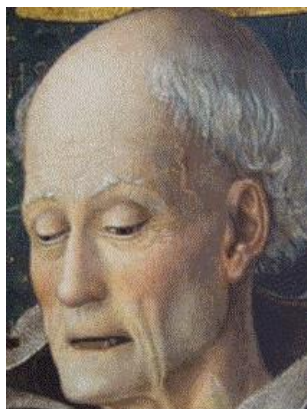
Лоренцо ди Антонио
Ридольфи

Ридольфи преподавал в Атенеуме во Флоренции и одно время был послом Флорентийской республики. Подобно Александру Ломбардскому, не пожелавшему осудить поощряемую Церковью практику, Ридольфи тоже заявил о своем нежелании осуждать занятие, столь широко распространенное в его родной Флоренции. Развивая идеи А. Ломбардского Ридольфи в своем

трактате о ростовщичестве 1403 года подчеркнул, что ценность денег может меняться в зависимости от местности, а также с течением времени. Такие различия есть результат изменений в спросе на деньги, колебаний спроса относительно предложения и изменений в металлическом содержании монет. Эти различия, а также кредитные операции, связанные с ними, оправдывают сделки с иностранной валютой. Ридольфи, таким образом, разработал теорию, в которой показал, что ценность денег, как и любого другого товара, определяется игрой спроса и предложения, и что она может также варьироваться в зависимости от времени и места.

3.6 Мирской аскет: св. Бернардин Сиенский

Великий ум и великий систематизатор экономических взглядов схоластов был парадоксом из парадоксов: строгий и аскетичный францисканский святой, который жил и писал в Тоскане, в самой гуще сложного капиталистического мира начала XV столетия. Хотя св. Фома Аквинский стремился систематизировать весь спектр интеллектуальных усилий, его экономические идеи были фрагментированы и разбросаны по всем его богословским сочинениям. Св. Бернардин Сиенский (1380–1444) стал первым после Оливи богословом, создавшим труд, целиком посвященный системному изложению экономических идей схоластов.

Бернардин Сиенский

Передовые идеи, содержащиеся в этой книге по большей части принадлежат самому св. Бернардину, а детально разработанная субъективная теория полезности дословно переписана у францисканского еретика, жившего за два века до этого: Петра Иоанна Оливи (или Пьера де Жана Ольё).

Книга св. Бернардина была сборником проповедей на латыни под названием «*О договорах и ростовщичестве*», написанным

между 1431 и 1433 годами. Трактат начинается, что вполне логично, с установления и обоснования системы частной собственности, далее автор переходит к системе и этике торговли, а затем обсуждает, как на рынке определяются ценность и цена. И в заключение — продолжительное обсуждение запутанного вопроса о ростовщичестве.

В главе о частной собственности у св. Бернардина нет ничего примечательного. Собственность считается искусственной, а не естественной, но, все-таки имеющей огромную важность для эффективного экономического порядка. Но одним из величайших достижений Бернардина стало первое письменное изложение в наиболее полном виде убедительных рассуждений о функциях предпринимателя. Прежде всего, автор оправдывает деятельность торговца еще более последовательно, чем это делал Аквинат. Св. Бернардин вполне разумно замечает, на контрасте с более ранними доктринами, что торговлей, как и любыми другими профессиями на практике можно заниматься либо законно, либо незаконно. Любые профессии, и профессия епископа в том числе, предоставляют возможности для совершения греха; поэтому вряд ли все подобные возможности сосредоточились в одной только торговле. Точнее говоря, торговцы могут выполнять несколько видов полезных услуг: перемещение товаров из тех регионов, где они в избытке в те регионы и страны, где они в дефиците; хранение и складирование товаров, которые будут доступны потребителям тогда, когда они понадобятся; и как ремесленники или промышленные предприниматели, перерабатывающие сырье в готовую продукцию. Говоря коротко, предприниматель может выполнять полезную социальную функцию транспортировки, распределения или производства товаров.

В своем оправдании торговли св. Бернардин реабилитирует, наконец, и мелкого розничного торговца, презираемого еще со времен Древней Греции. Импортёры и оптовые торговцы,

отмечает Бернардин, делают закупки большими объемами, а затем, деля всю партию на части, продают товар тюками или возами розничным торговцам, которые, в свою очередь, продают его малыми количествами потребителям.

Бернардин, реалистично смотря на вещи, прибыль не осуждал; наоборот, прибыль является законным вознаграждением предпринимателю за его труд, расходы и взятые на себя риски.

Далее св. Бернардин углубленно анализирует функции предпринимателя. Он понимал, что организаторские способности являются редким сочетанием компетентности и эффективности и поэтому должны достойно вознаграждаться. Св. Бернардин перечисляет четыре необходимых качества успешного предпринимателя: эффективность или трудолюбие (*Industria*), ответственность (*solicitudo*), труд (*labores*), а также принятие на себя рисков (*pericula*). Эффективность по Бернардину это хорошая осведомленность относительно цен, затрат и качества продукта, а также особая «тонкость» при оценке рисков и возможности получения прибыли, на что, как проницательно заметил Бернардин, «на самом деле способны очень немногие». Ответственность означает внимание к деталям, а также содержание в порядке счетов — необходимый элемент в бизнесе. Горе, работа без передышки и даже личные неприятности тоже часто имеют большое значение. Ввиду всех этих причин, а также принятых на себя рисков, бизнесмен справедливо зарабатывает достаточно много на успешных инвестициях, что позволяет ему удерживаться в бизнесе и получать компенсацию за все тяготы.

Что касается определения цены св. Бернардин следовал в русле схоластической традиции, согласно которой цена и справедливая цена определяются общей оценкой рынка. Цена колеблется в зависимости от спроса, растет, если предложение скудное, и падает при изобилии. Бернардин также высказал весьма проницательные суждения относительно влияния

издержек. Затраты на труд, мастерство и риск не влияют на цену напрямую, но влияют на предложение товара и при *прочих равных условиях* (при прочих равных условиях — фраза самого Бернардина) вещи, требующие больших усилий или большей изобретательности при производстве, будут более дорогими и за них будут запрашивать более высокую цену. Эта идея — предвосхищение анализа спроса и издержек Джевонса и австрийской школы, разработанного лишь пять веков спустя.

Как и другие схоласты, он считал, что общая оценка рынка определяет общую рыночную цену (но *не* ту цену, которая устанавливается при индивидуальном свободном торге). А государство, поначалу полагал он, имеет право устанавливать общую рыночную цену посредством принудительного регулирования, но такая возможность, была им, как и большинством других схоластов, вскоре отвергнута. Как мы уже знаем, замечательную теорию ценности, опубликованную францисканцем Петром Иоанном Оливи, основанную на субъективной полезности (которой ранее пренебрегали), св. Бернардin переписал слово в слово. Значительным вкладом Бернардина в теорию справедливой цены — рыночной цены, стало применение ее к «справедливой заработной плате». Заработная плата есть цена трудовых услуг, отмечал Бернардin, и, следовательно, справедливая или рыночная заработная плата будет определяться спросом на рабочую силу и имеющимся на рынке предложением рабочей силы. Неравенство в заработной плате является функцией различий навыков, способностей и обучения. Архитектору платят больше, чем землекопу, объяснял Бернардin, потому что работа первого требует большего интеллекта, способностей и профессиональной подготовки, так что лишь очень немногие окажутся достаточно квалифицированными для выполнения этой задачи. Квалифицированные рабочие более редки, чем

неквалифицированные, поэтому первые запросят более высокую заработную плату.

В сделанных им весьма изощренных выкладках, касающихся обмена иностранной валюты, Бернардин *санкционирует* подобные сделки, являющиеся основным способом получения скрытого процента в сделках по кредитованию. Здесь Бернардин следует в русле широких взглядов своего наставника Александра Ломбардского. Обычно обменные операции рассматривались как сделки по обмену валют, а не как кредитование. Более того, ростовщичеством считался лишь определенный и безрисковый процент по кредиту; валютные курсы колебались и поэтому были непредсказуемы. Технически это было верно, однако кредиторы, как правило, при обменных операциях получили процент, поскольку денежный рынок был структурирован в пользу кредитора. Бернардин также отметил, что конвертация валют необходима в виду огромного их разнообразия, а также потому, что чекан одной страны не принимается в другом месте. Поэтому те, кто занимается обменом валют, выполняют полезную функцию и способствуют внешней торговле, «которая имеет существенное значение для поддержания человеческой жизни», а также осуществляют перевод денежных средств из одной страны в другую, не прибегая к фактической перевозке монет.

В св. Бернардине поразительным и парадоксальным образом сочетались блестящий, знающий, восприимчивый аналитик капиталистического рынка своего времени и изможденный святой аскет, осуждающий мирское зло и деловую деятельность. Бернардино родился в 1380 году в семье высокопоставленного сиенского чиновника; его отец Альбертолло Альбизески был губернатором города Масса Сиенской республики. Мать Бернардино также принадлежала к видному местному роду. Вступив в строгую аскетическую ветвь обсервантов ордена францисканцев, Бернардин вскоре приобрел известность как

очень убедительной и весьма популярный странствующий оратор, проповедовавший по всей северной и центральной Италии. В 1430-х годах Бернардин назначают викарием францисканских обсервантов (миноритов). Трижды в его жизни Бернардино предлагали епископство (в Сиене, в Урбино и в Ферраре), но всякий раз он отказывался от этой чести, поскольку в противном случае ему пришлось бы отказаться от проповедования.

В некоторых из проповедей, обличавших мирские грехи, Бернардин подробно останавливается на проблемах личной нравственности; так он осудил практику странствующих торговцев, слишком долго пребывающих вдали от дома и потому оскверняющих себя, живя в плотском грехе или даже предаваясь содомии, которую святой обычно называл «мерзостью». И действительно, когда-то в юности, Бернардин даже ударил человека, который попытался делать ему гомосексуальные намеки.

84

Но главное противоречие Бернардина, изощренного аналитика бизнеса и одновременно обличителя деловой практики, выразилось в его страстном протесте против ростовщичества. Живя в Тоскане, окруженный домами ростовщиков, св. Бернардин, как и очень многие схоласты, показал, что его реализм заканчивается у порога дома ростовщика. В вопросе о ростовщичестве блестящие аналитические способности святого отца и доброжелательное отношение к свободному рынку изменяют ему, и он вопиет почти в исступлении: ростовщичество есть отвратительная инфекция, проникшая в деловой мир и в общественную жизнь. При том, что другие схоласты всерьез восприняли возражение, что Церковь и общество зависят от ростовщичества, Бернардина это не волновало. Нет: этого не может быть. Все те, кто считает, что ростовщичество является экономически необходимым, совершают грех богохульства, ибо

они утверждают, таким образом, что это Бог направил их деяния на несправедливый путь. Бернардин утверждал, что если люди откажутся от взимания процента, то тогда они смогут свободно и безвозмездно брать и предоставлять кредиты; и кроме того теперь делается слишком много заимствований, направленных на легкомысленные и порочные цели. Ростовщичество, громко заявляя святой, разрушает милосердие; это инфекционное заболевание; оно пачкает души всех в обществе; оно концентрирует все деньги города в руках немногих или изгоняет их из страны; и более того, оно справедливо навлекает на город гнев Божий и призывает Четырех Всадников Апокалипсиса.

Повергает в трепет та безумная ярость, в которую приходил этот действительно великий мыслитель, когда речь заходила о ростовщичестве. Разглагольствуя о ростовщике, дерзающем «продавать время», Бернардин идет дальше своих предшественников, настаивая, что лишь одному Иисусу Христу ведомы время и час. И потому если нам не дано права время знать, то мы в еще меньшей степени обладаем правом его продавать. Следует ли поэтому считать обладание часами и будильниками смертным грехом? Бернардин буквально взвизгивает в порыве почти истерического исступления в адрес незадачливого ростовщика:

Соответственно, все святые и все ангелы рая вопиют против него [ростовщика], говоря: «В ад, в ад, в ад. Также и небеса со своими звездами взывают, говоря: «В огонь, в огонь, в огонь. Планеты также требуют «в бездны, в бездны, в бездны»».

И все-таки, несмотря на все это, авторитет св. Бернардина добавил весомости концепции, которая в конечном итоге способствовала отмене запрета на ростовщичество: *lucrum*

cessans — концепции упущенной выгоды. Вслед за Гостензисом и некоторыми схоластами XIV века Бернардин признает *lucrum cessans*: считается допустимым брать проценты по кредиту, который по возвращении жертвуется — по возможности заранее — ради законных инвестиций. Правда, Бернардин, как и его предшественники, строго ограничил *lucrum cessans* рамками благотворительного кредита и отказался распространить его на профессиональных ростовщиков. Но он сделал важный аналитический шаг вперед, объяснив, что концепция *lucrum cessans* является законной, поскольку в этой ситуации деньги являются не бесплодными деньгами, но «капиталом». Как выразился Бернардин, когда бизнесмен выдает заем из средств, которые иначе пошли бы на коммерческие инвестиции, он «отдает не просто деньги, но он также отдает свой капитал». Если подробнее, он пишет, что деньги тогда «обладают не только свойствами просто денег или просто вещи, но и сверх того некими плодотворными свойствами чего-то прибыльного, того, что мы обычно называем капиталом. Поэтому, должна возвращаться не только их обычная ценность, но также и добавленная ценность».

85

Говоря коротко, когда деньги функционируют как капитал, они уже не бесплодны или стерильны; в качестве капитала они заслуживают того, чтобы приносить прибыль.

И еще кое-что. Ведя продолжительную дискуссию против скрытого в различных формах договоров ростовщичества, блестящий ум Бернардина исторически одним из первых наткнулся на то, что позднее получит название «временного предпочтения»: люди предпочитают сегодняшние блага будущим благам (то есть сегодняшним представлениям о будущих благах). Однако он оказался не в состоянии осознать всю важность этой идеи и отказался от нее. В таком состоянии она и пребывала вплоть до конца XVIII века, пока француз Тюрго, а затем великий

австрийский экономист Ойген фон Бем-Баверк, не открыли этот принцип в 1880-х годах и, следовательно, решили, в конечном счете, вечную проблему, объяснив и обосновав существование и величину ставки процента.

3.7 Ученик: св. Антонино Флоренский

Главный ученик св. Бернардина высоко чтимый Антонино Флоренский (1389–1459) был не намного моложе своего учителя.

Антонин Флоренский

Антонино приобрел авторитет в основном благодаря своим многочисленным трудам, в особенности огромному *Thomistic Summa Moralis Theologiae* (1449), первому трактату новой науки моральной теологии. В моральной теологии или казуистике богослов применяет абстрактные принципы теологии и этики к многочисленным эмпирическим данным повседневной жизни: говоря коротко, богословие и нравственность выводятся из научных абстракций и применяются к повседневности.

Новаторская работа *Summa* Антонино о моральной теологии стала исключительно значимой. На протяжении следующих 150 лет на нее постоянно ссылались, за этот период она выдержала 24 переиздания. Его более краткая работа *Confessionals* (1440), руководство для исповедников, за те же полтора столетия переиздавалась 30 раз.

В биографиях и в характерах Антонина и его наставника Бернардина наблюдаются поразительные параллели. Антонино был сыном мелкого чиновника, флорентийского нотариуса, Никколо де Пьероццо Флорентийского. Его нарекли Антонио,

однако, со временем повсеместно стали называть уменьшительным Антонино из-за небольшого роста, и это прозвище было официально вписано в церковные святцы. Несмотря на слабое здоровье, Антонино рано присоединился к строгой ветви обсервантов ордена доминиканцев. Его редкий административный талант раскрылся рано, и вскоре Антонино стал настоятелем доминиканского монастыря Кортон, а впоследствии занимал аналогичные должности в Неаполе и Риме. После этого, в 1433 году, Антонино назначается генеральным викарием доминиканских монастырей Ломбардии, а спустя четыре года — всей центральной и южной Италии. Помимо этой должности Антонино сохранял также пост настоятеля монастыря Сан-Марко во Флоренции.

86

В 1445 году папа Евгений IV, вероятно, по совету великого художника Ренессанса фра Анжелико, назначил Антонино архиепископом Флоренции. Будучи человеком скромным, Антонино, следуя примеру Бернардина, упорно отказывался от этой должности. Рассказ современника гласит, что папа отдал строгий приказ Антонино вступить в должность, и тот принял ее только под страхом отлучения. Как бы там ни было, св. Антонино до конца своей жизни отказывался надевать епископские одежды и продолжал носить белое одеяние и черный плащ простого доминиканского монаха. По иронии судьбы в 1459 году, когда Антонино умер, хоронили его с огромной помпой и со всеми почестями.

Несмотря на свое нежелание занимать должности, Антонино проявил себя выдающимся администратором и судьей, которому приходилось ежедневно принимать многочисленные экономические решения. Пребывая во Флоренции, он с головой погрузился в финансово-экономическую деятельность этого самого передового центра капитализма того времени.

Святого Антонино и св. Бернардина привычно называют двумя великими схоластическими мыслителями и экономистами. Однако Антонино был лишь популяризатором и казуистом; в своем анализе он только воспроизводил точку зрения поистине великого и оригинального мыслителя св. Бернардина. Оба они были прекрасно знакомы с экономической практикой своего времени, причем Антонино был родом из Флоренции, крупнейшего банковского центра Европы. Хотя при этом оба были строгими аскетами, и эта напряженность и противоречивость аскетизма нашла свое отражение в их произведениях и сказалась на их биографиях.

Антонино, как правило, просто воспроизводил аналитические выкладки Бернардина. Однако в своем изложении теории ценности Антонино особый акцент сделал на важном положении Аквината, что любой обмен на рынке взаимовыгоден для обеих сторон, поскольку каждому в результате обмена становится лучше, чем было до него. Добровольный обмен является справедливым. И все же Антонино, по-видимому, более сочувственно, чем его наставник, относился к государственному регулированию цен, которое повсюду, где оно осуществляется, должно быть морально обязывающим. Всякая цена на черном рынке, превышающая цену, установленную законом, является греховной.

Рассуждая о справедливой заработной плате, Антонино повторяет рассуждения Бернардина, добавляя собственный материал, основанный на обширном знании развитой флорентийской шерстяной промышленности. Заработная плата рабочего правильно определяется общей оценкой рынка, и любая попытка создать профсоюз работников стала бы вредным вмешательством. Такая точка зрения неявно одобряла флорентийскую практику, ставившую вне закона союзы рабочих-шерстянщиков, считая их незаконными и «заговорщицкими». А

вот монополющая Шерстяная гильдия суконных фабрикантов считалась законной; и это неудивительно, поскольку она находилась под контролем правительства Флоренции. В трудах Антонино при обсуждении условий труда слово «гильдия» не встречается; чутье подсказывало ему, вероятно, что этот спорный вопрос разумнее обходить стороной.

Несмотря на то, что Антонино был преданным учеником своего учителя, между этими двумя мирскими святыми имелись все же определенные, хотя и весьма тонкие различия. Хотя Антонино был лучше знаком с миром бизнеса, он, как это ни парадоксально, в значительной степени был **большим** моралистом. Так одним из многочисленных произведений Антонино был памфлет «О женских модах» (*De ornate mulierum*), в котором он многословно и громогласно выступил против использования женщинами румян, накладных волос, модных причесок и прочей мишуры. Его склонности к морализаторству способствовала, конечно же, и его новаторская работа в области казуистики. Подобным образом он обрушился и на художников, осуждая все, кроме религиозного искусства, сделав исключение лишь для работ своего друга Фра Анжелико. Антонино особенно расстраивался из-за картин на нерелигиозные темы, дававших художникам возможность изображать обнаженных женщин не ради красоты, но чтобы пробудить чувство либидо. (Антонино *сделал*, однако, и такое интеллектуальное наблюдение, что цена картин определяется мастерством художника, а не количеством вложенного труда.) Строгие воззрения Антонино распространялись также и на музыку, где он призывал вернуться к суровому григорианскому хоралу и запретить греховное использование контрапункта, а также популярных и даже непристойных баллад.

Что касается сугубо экономических проблем, то и здесь очевиден повышенный морализм Антонино. В отличие от своего

наставника, Антонино в целом осуждал операции с иностранной валютой как неявно ростовщические. Как изумленно замечает Раймон де Рувер: «Этот совет, если ему следовать, привел бы к полному упразднению банковского дела. Довольно странное отношение со стороны архиепископа ведущего банковского центра Западной Европы. Большинство теологов были более мягкими, хотя и менее последовательными...»

5. Raymond de Roover, *San Bernardino of Siena and Sant'Antonino Of Florence* (Boston: Baker Library, 1967), p. 37.

Разглагольствования Антонина против ростовщичества были столь же яростными, как и у Бернардина, и их только усиливало то обстоятельство, что он был папским уполномоченным по искоренению ростовщичества в Тоскане. Антонино, непримиримый обличитель ростовщичества, свел воедино все возможные аргументы в их самой суровой интерпретации. Как заявляет профессор Нунан

... будучи более систематическим, Антонино был гораздо более суровым, чем многие его предшественники ... Антонино свел все строгие правила ранних учений о ростовщичестве в единый свод. Ни один последующий автор уже не будет столь же суровым, столь же бескомпромиссным, столь же истинно преданным логике ранних концепций, как он.

6. John T. Noonan, Jr, *The Scholastic Analysis Of Usury* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957), p. 77.

Более того, Антонино, не отставая от Бернардина, исторически поносил ростовщичество. Ростовщичество «дьявольское»; это великая блудница из 17 главы Апокалипсиса, «которая восседает

на многих водах, с которой цари земные любодействовали». Не только сами ростовщики, но все, кто принимает участие в ростовщичестве «достойны вечной гибели». Ростовщичество, согласно Антонино, это хуже, чем грех прелюбодеяния или убийства, потому что он повторяется снова и снова, тогда как те грехи нерегулярны. Ростовщик пребывает в состоянии «вечного греха». И это еще не все: ростовщичество проклинает наследников грешника, ибо грех не искуплен до тех пор, пока ростовщик или его имущество не подвергнутся реституции и не будут возвращены начисленные проценты. Ростовщичество, согласно Антонино, присутствует везде, оно всепроникающе.

И все-таки Антонино тоже допускает *lucrum cessans* (упущенная выгода) в качестве законного источника взимания процента. Однако при этом заявляет, будучи предельно обеспокоенным даже малейшим намеком на присутствие ростовщичества, что *lucrum cessans* никогда не следует советовать применять на практике.

88

Трагично, что субъективная теория полезности, разработанная в XIII веке Петром Иоанном Оливи, вновь открытая св. Бернардином через два столетия и распространявшаяся далеко и широко его учеником св. Антонино, умерла вместе с этим флорентийским святым. Даже испанские схоласты конца XVI века не поднялись до таких высот, за исключением некоторых моментов, какие были достигнуты в томистской традиции и в традиции полезности. И только австрийская школа конца XIX века независимо воспроизвела и развила субъективную теорию ценности Оливи, и только в 1950-е годы данное направление схоластической мысли было открыто заново.

3.8 Швабские либералы и атака на запрет ростовщичества

Примерно в то же время, когда св. Бернардин создавал свой великий труд, почти безвестный немецкий монах-доминиканец независимо от него разрабатывал сходные идеи. Иоганнес Нидер (1380–1438) был родом из Швабии, преподавал богословие в Венском университете и проводил реформу доминиканского ордена на юге Германии. Краткий трактат Нидера «О договорах торговцев» (*De Contractibus Mercatorum*) была написан около 1430 года, а около 1468 года был опубликован в Кельне уже после смерти автора; трактат регулярно переиздавался вплоть до конца XV столетия.

Иоганес Нидер

Нидер положил начало оправданию прибылей торговцев. Признавая значение предпринимательской роли торговца, Нидер подчеркнул, что торговля требует знания рынка, а для получения такого знания требуется трудолюбие, усердие и удача. Предпринимательские доходы оправдываются расходами, хлопотами и риском. При анализе рыночных цен Нидер сделал акцент на субъективной полезности, отведя ей решающую роль. Нидер, подобно Оливи и Бернардино, провел различие между объективной полезностью, присущей благу, и субъективной

полезностью, статусу блага «в ценностной шкале людей». Нидеру было совершенно очевидно, что только эта последняя играет решающую роль при определении справедливой рыночной цены. Предвосхищая на четыре столетия Джевонса, Нидер предположил, что изменение в предложении блага ведет к изменению цены вследствие изменения его полезности. То, что рыночная цена, как результат общей оценки, определяет справедливую цену, у Нидера излагается совершенно ясно: «Правильная цена вещи зависит от того, что покупатели или продавцы думают о ценах». Тем не менее, там, где нет общего (сложившегося) рынка, Нидер присоединяется к мнению предшествующих схоластов, что продавцы, при определении запрашиваемой справедливой цены, могут использовать подход «издержки плюс ...».

Хотя при определении цены рассматривается только субъективная полезность, в обосновании Нидером предпринимательского дохода присутствуют и тревожные признаки лангенштейновских «статусных» аргументов. Ибо доходы предпринимателей, в дополнение к тому, что они определяется экономическими факторами, указанными выше, должны также быть «пропорциональны рангу» данного занятия — пролог к объяснению Нидера, что ремесло солдата благороднее, чем ремесло торговца и, следовательно, заслуживает более высокой награды. Это возврат не только к Лангенштейну, но к древнегреческому предпочтению военного искусства искусствам производительным.

При обсуждении денег Нидер твердо выступает в поддержку деятельности меновщиков. Нелепостей в отношении ростовщичества он не высказывает. Нидер указывает, что обмен валюты является «своего рода продажей и покупкой», и убедительно демонстрирует, что цена денег, как и цены других товаров, тоже варьируется в зависимости от общей оценки рынка.

Хотя, тут он следует Аквинату, цена денег обычно меняется менее радикально, чем цена конкретного товара, обмен валюты, тем не менее, меняет ее, а торговцы получают законную прибыль или несут убытки от такого изменения.

Нидер решительно утверждает, что «конвертация или обмен денег или других вещей, это своего рода продажа и покупка одной валюты за другую и являет собой, так сказать, ту же самую нравственную проблему, что и торговля товарами...»

Еще более значительным, чем Нидер, был его земляк великий схоласт XV века Габриэль Биль (1430–1495), профессор богословия нового Тюбингенского университета, расположенного на юго-западе Германии. Биль был выдающимся номиналистом и последователем Оккама — в XV столетии немецких последователей Оккама так и называли *габриелистами*. Тем не менее, как показали недавние исследования, Биль, веря в рациональные и объективные естественные законы морали, был по существу томистом. И в самом деле, в его душе так же, как и у его коллеги «оккамиста» прошлого века Григория Риминского, жило глубокое рационалистическое убеждение, что естественный закон вечен, и он будет существовать даже в отсутствие Бога. Более того, человек без посторонней помощи посредством своего разума способен понять этот естественный закон и сделать правильные выводы относительно собственного надлежащего поведения.

Одним из достижений Билиа стало кристально-ясное изложение им схоластической концепции, согласно которой каждая из сторон обмена вовлечена в действие, направленное на получение взаимной субъективной выгоды. Вслед за Жаном Буриданом, своим коллегой-номиналистом прошлого столетия, Биль проводит свой убедительный и краткий анализ: «Ибо покупатель, который желает благо, не станет покупать, если только он не надеялся на большее удовлетворение от блага, чем

от денег, которые он заплатил за него; и продавец не будет продавать, если он не надеется на прибыль от цены». До Биля никто не демонстрировал с такой ясностью, что каждый обмен предполагает от каждой стороны ожидаемую взаимную выгоду от сделки, и что удовлетворение, по крайней мере, покупателя является чисто субъективным, хотя удовлетворение продавца может быть выражено в виде денежной прибыли. До появления австрийской школы в конце XIX века этого достижения Биля никто так и не превзошел.

Последователь своих коллег оккамистов Буридана и Орема, Биль, в своем «Трактате о силе и полезности денег» (*Treatise on the Power and Utility of Moneys*), повторил их металлические идеи о ценности денег и их критику действий по обесценению монет, осуществляемых государством. Биль, как и Буридан, настаивает также, что качественные деньги должны изготавливаться из такого материала, который мог бы использоваться независимо от его использования в качестве денег. Биль считает обесценение монет, производимое королем, эквивалентным краже: «если князь изымает качественные деньги для того, чтобы он мог купить их дешевле, переплавляет их, а затем выдает другой чекан меньшего значения, присваивая ему ценность прежней валюты, то он должен быть обвинен в хищении денег и обязан произвести реституцию».

Более того, Биль дал самое изощренное, по сравнению со сделанными до него, объяснение и обоснование валютного рынка. В своей комментарии к «Сентенциям» (*Sentences*, 1484) Биль отметил, что банк, принимающий вексель, позволяет векселедателю получить наличные деньги в другом городе, и тем самым предоставляет важную услугу «виртуальной транспортировки» денег.

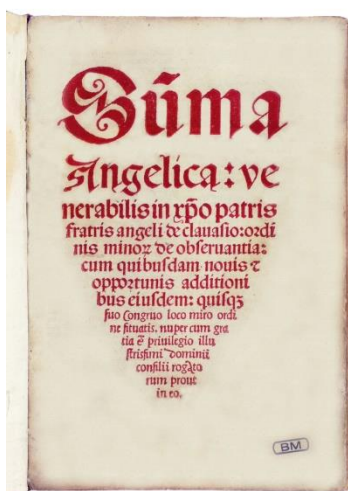

Векселедатель освобождается от издержек и рисков, связанных с самостоятельной перевозкой денег. Поэтому для банкира, как для займодавца, является законным получение прибыли при покупке иностранного векселя. Таким образом, упрочив теоретическое знание, что цена денег варьируется так же, как и цена других благ, Биль существенно раздвинул рамки легитимности обменных операций, как для займодавца, так и для заемщика.

Однако самым значимым для истории экономической мысли стало то, Габриэль Биль положил начало процессу, приведшему к снятию запрета на ростовщичество. Запрета, который, начиная с самых первых столетий христианской эры, препятствовал развитию экономической мысли. В дополнение окончательному освобождению валютного рынка от обвинений в ростовщичестве, Биль занялся обоснованием договоров страхования. Ибо если считалось греховным и ростовщическим владеть имуществом или правом, не неся рисков (как лица, предоставляющие гарантии чистого кредита), то как быть, если человек покупал страховой полис и поэтому получал возможность перенести риски на страховщика? Свою апологию страхования Биль позаимствовал у Анжело Карлетти ди Кивассо, генерального викария

францисканских обсервантов, выступившего в защиту безрисковых страховых контрактов в своей *Summa Angelica* в то же самое время, когда писал свой трактат Биль.

В качестве генерального викария фра Анджело возглавлял лишь цисмонтанских обсервантов (Италия, Восток, Австрия, Венгрия и Польша), тогда как для ультрамонтанских (все остальные страны) был свой генеральный викарий. Упомянутую в тексте главную книгу Анджело Карлетти, прозванную в честь него самого «*Summa Angelica*» (авторское название — «*Summa de Casibus Conscientiae*», что можно перевести как «Сумма о частных случаях, касающихся совести»), Мартин Лютер считал настолько важной, что публично сжег ее вместе с буллой о собственном отлучении, собранием канонов и «Суммой теологии» св. Фомы Аквинского. Признав традицию народного почитания, в 1753 г. Папа Бенедикт XIII беатифицировал фра Анджело (т. е. объявил его блаженным). — Прим. Пер. *via пользователь ЖЖ НІТНІІІ*

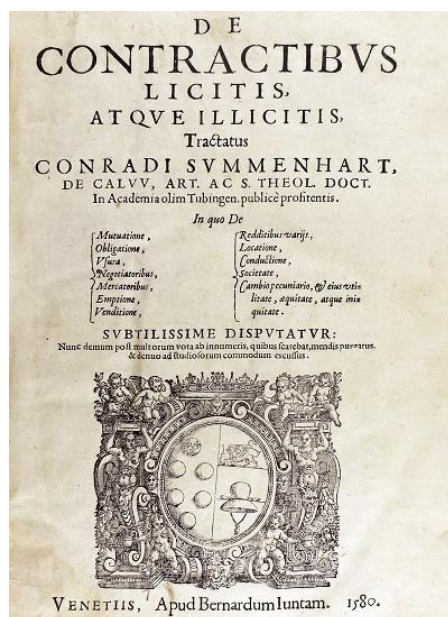
Главным вкладом Билия в ослабление запрета на ростовщичество стало обоснование им контракта *census* (договора *переписи*) — покупки аннуитета — и оправдание такового в его максимально широкой форме. Так покупка аннуитета считалась столь же законной, как и право на получение денег при страховании или гарантированным аннуитете. Покупателю также разрешалось выкупать аннуитет —

послабление очень сходное с позволением кредитору истребовать основную сумму выданного им кредита после того, как он получил доход в рассрочку.

Таким образом, Биль очень близко подошел к оправдываю кредитных операций с начислением процентов. Объясняя тот факт, что продавец аннуитета, чтобы получить наличные деньги, будет стремиться осуществлять высокие ежегодные выплаты (т.е. платить проценты по кредиту), Биль весьма убедительно показал, что в этой сделке, как и во всякой другой, обе стороны получают выгоду: «Ни покупатель не станет покупать товар, если он не надеется получить большей выгоды от этого товара, чем от денег, которые он за него должен отдать; ни продавец не станет продавать, если он не надеется на прибыль при данной цене».

91

Однако наиболее полное и систематическое наступление на запрет ростовщичества предпринял самый выдающийся ученик Габриэля Биля и его преемник по кафедре богословия Тюбингенского университета Конрад Зумменхарт (1465–1511), обучавшийся также и в Парижском университете. Его критика содержится в массивном «Трактате о контрактах» Зумменхарта (1499).

Вклад Зумменхарта был двойным: во-первых, был чрезвычайно расширен список всех возможных исключений из запрета ростовщичества, то есть, *census* и *lucrum cessans*; и во-вторых, положено начало прямой критике всех остальных извечных аргументов против ростовщических сделок. По первой части Зумменхарт разработал гораздо более тонкую и детальную, в сравнении с предшествующей, аргументацию в пользу партнерств страхования или гарантированных партнерств. Он также гораздо шире, чем кто-либо до него, раздвинул пределы применения исключения *lucrum cessans*. Зумменхарт отважно заявил, что деньги являются плодотворными, что это инструмент торговца, который способен оплодотворить его, приложив к нему свой труд. Следовательно, торговец должен получать компенсацию за потерю пользы от своих денег точно так же, как фермер должен получать компенсацию за потерю своих полей. К сожалению, однако, Зумменхарт, как и предшествующие схоласты, как обычно ограничил область применения *lucrum cessans* лишь благотворительными займами.

Самым смелым действием Зумменхарта по ослаблению оков ростовщичества стала его радикальная защита максимально широкого толкования договоров *census*. Здесь Зумменхарт выступил с оправданием многих видов кредитных операций, осуществлявшихся в то время в Германии. В сочетании с его идеей о переменной ценности денег, это означало «лишение запрета на ростовщичество всякого практического значения».

7. Ibid., p. 233.

Деньги, заявил Зумменхарт, могут законно быть проданы с целью получения прибыли. Более того, утверждал он, *census* не является (греховным) кредитом, поскольку *право* на деньги является благом другого рода, чем обмениваемые деньги. Но в

таком случае, спрашивает себя Зумменхарт, не может ли ростовщик сказать то же самое и попросту утверждать, что право на деньги, которые он требует в обмен, тоже есть благо иного рода, чем деньги, выдаваемые в заем? Поразительно, отвечает Зумменхарт, все это оказывается правильным, при условии, что *в намерения кредитора не входило*, чтобы это было ростовщицеством, и сам он действительно был убежден, что покупает право на деньги, которое является благом, отличным от самих денег. Однако если ростовщицество есть лишь субъективная намерение, а *не* объективный факт начисления процентов по кредиту, то тогда не существует и объективного способа идентификации ростовщицества или обеспечения соблюдения запрета на него! Вот так в одиночку Зумменхарт эффектно сокрушил запрет ростовщицества.

И это еще не все. Ибо Зумменхарт открыто заявил, что приобретение кем-либо дисконтированной задолженности не является ростовщическим займом, поскольку это всего лишь приобретение права на деньги. Приобретение долга является таким же законным, как и *census*. Более того, «покупка долга» может считаться выдачей нового долга, а не просто покупкой старого. Такой вывод тоже фактически ставил крест на запрете ростовщицества.

Более того, одобряя контракты по «покупке долга», Зумменхарт подошел вплотную к пониманию фундаментального факта временного предпочтения, предпочтения сегодняшних денег деньгам будущего. Когда кто-либо платит \$100 за право иметь \$110 в какой-то определенный момент времени в будущем, при этом обе стороны оценивают настоящие деньги более высоко, чем деньги, которые будут выплачены в будущем. «Покупатель» (кредитор), кроме того, не получает от кредита ростовщический доход, потому что он оценивает будущие \$110

равными \$100 в настоящий момент времени, таким образом, «цена и товар равны и по факту, и в оценке покупателя».

Затем, непосредственно аргументируя в пользу ростовщичества, Зумменхарт перечисляет 23 традиционных, базирующихся на естественном праве, аргумента против ростовщичества, и сокрушает их все, за исключением пары шатких формальных доводов; при этом он также выдвигает и собственные сильные возражения против запрета ростовщичества. Как заключает профессор Нунан, «экспертиза (Зумменхарта) заканчивается отказом от прошлого. Резкой критике подвергается только само слово ростовщичество. Прежняя схоластическая теория ростовщичества отвергнута».

8. Ibid., p. 340.

Аргументация Зумменхарта в пользу ростовщичества является исчерпывающей. В отличие от трактовки св. Фомы, ростовщик запрашивает процент не за использование заемщиком своих денег, но за то, что *не пользуется* ими сам. На возражение, что возмещение заемщиком основной суммы кредита возвращает кредитору способность использования (денег), Зумменхарт неоспоримо отвечает, снова предвосхищая временное предпочтение: «Но он не вернет ему [кредитору] возможность использовать прошедший период времени таким образом, чтобы он мог использовать их [деньги] в этот период...». Таким образом, процент по кредиту становится законной платой за недоиспользование денег на протяжении всего периода времени займа. Совершенно очевидно, что Конрад Зумменхарт великолепно продемонстрировал, пусть и неявно, всю законность «ростовщичества», то есть взимания процента по кредиту.

Что касается фиксированной цены денег как аргумента против ростовщичества, Зумменхарт повторяет и развивает аргумент предшествующих критиков, что цена денег меняется с течением времени. Кроме того, по вопросу о безрисковости денежного кредита Зумменхарт выдвигает аргумент потенциально смертельный для запрета ростовщичества. Он справедливо замечает, что не бывает не рискующего заимодавца; он всегда принимает на себя риск заемщика разориться. Заемщик также имеет возможность получить большую по величине прибыль от займа, чем процент, который он должен заплатить заимодавцу. Кроме того, Зумменхарт аккуратно разбил и аристотелевский аргумент, что деньги по своей природе «предположительно» должны использоваться только в качестве средства обмена, а не для взыскания процента. Зумменхарт смело заявляет, что этот аргумент попросту абсурден. Разве совершает кто-либо грех, используя вино для тушения пожара или храня деньги в башмаке? В естественном праве нет ничего, что указывало бы, что данное материальное благо всегда должно использоваться только для этой конкретной цели, но не для другой.

После Зумменхарта остаются лишь два очень слабых аргумента против ростовщичества: сам факт, что Аристотель сказал, что оно неестественно («аргумент», который Зумменхарт мог только язвительно упомянуть) и божественный запрет. Но поскольку ростовщичество является действительно естественным, Зумменхарт, как мы уже знаем, готов трактовать божественный запрет настолько узко, что тот практически исчезает; после Зумменхарта с запретом на ростовщичество было покончено.

Однако, и это не способствовало авторитету схоластической экономической мысли, схоласты XVI века, великолепно проявившие себя во многих областях экономики, не приняли

смелый вызов Конрада Зумменхарта и не довели до конца процесс разрушения запрета ростовщичества.

В некоторых случаях, в частности оправдывая контракты гарантированного партнерства, Зумменхарт воздержался от полного одобрения, разумно предостерегая против контрактов, хоть и легитимных, но могущих шокировать общество.

Иоганн Экк

И только выдающемуся ученику Зумменхарта Иоганну Экку было суждено довести революцию Зумменхарта до полного завершения.

Экку, профессору богословия Ингольштадтского университета, расположенного неподалеку от баварского финансового центра Аугсбурга, будет суждено вскоре обрести самую широкую известность, благодаря его выступлению на католическом диспуте против Мартина Лютера. Аугсбург был тогда ведущим финансовым центром Германии и домом великих банкиров Фуггеров, перехвативших прибыльный папский банковский бизнес у Флоренции. В 1514 году друг Фуггеров 28-летний Экк подверг критике своих осторожных коллег-богословов за сокрытие истины, что контракт гарантированного партнерства является абсолютно законным, как бы скандально это не звучало. Отстаивая свое дело перед благосклонной аудиторией канонистов Болонского университета, Экк отметил, что торговцы, как правило, запрашивают гарантированный инвестиционный контракт и, соответственно, прибыли по нему. Более того, этот контракт является общеупотребительным на

протяжении 40 лет, так что следует считать гарантированный контракт законным, если не доказано обратное. Также Экк сделал вполне современное тонкое замечание, что большинство капиталистов-инвесторов в этом контракте это, в конечном счете, вдовы и сироты.

Следует отметить, что выдающийся шотландский богослов номиналист Джон Мейджор (1478–1548), декан факультета богословия Парижского университета, безоговорочно поддержал неоднозначную защиту гарантированного инвестиционного контракта Экка-Зумменхарта.

3.9 Номиналисты и активные естественные права

Доминиканцы, как мы уже знаем, опередили францисканцев в вопросе прав собственности, благодаря знаменитой булле Иоанна XXII *Quia vir reprobus* (1329). Индивидуальные права собственности теперь официально признаны как естественные, вытекающие из веления Божьего, наделившего человека властью над землей. Несмотря на все попытки Уильяма Оккама опровергнуть Иоанна XXII, его последователи номиналисты инициативно принялись развивать эту теорию активных естественных прав собственности. Разработали эту теорию Пётр д'Альи (1350–1420) и, в особенности, его ученик и преемник на посту канцлера Парижского университета Жан Жерсон (1363–1429).

Пётр д'Альи

Жан Жерсон

Так Жерсон в своей *De Vita Spiritualis Animae* (1402) четко заявляет:

Существует естественное суверенное право (владычество) подобное Божьему дару, посредством которого каждое существо имеет *ius* (право) принять непосредственно от Бога нижележащие вещи в собственное пользование во имя самосохранения. Каждый имеет это *ius*, являющееся результатом честной и неизменной справедливости, поддерживаемый в своей изначальной чистоте или естественной целостности. Таким путем Адам получил власть над птицами небесными и рыбами морскими ... К

этому суверенному праву также может быть добавлено право на свободу, которая есть неударжимый данный Богом дар ...

9. Richard Tuck, *Natural Rights Theories* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979), p.27.

Странно, что этот номиналист и мистик, после такого изложения своих взглядов на права человека как на владычество (суверенное право), утверждает при этом, как и меньшая часть схоластов, что любая коммерческая прибыль, превышающая затраты и риск, является аморальной, и что все цены должно устанавливать государство, чтобы гарантировать справедливую цену.

Теорию активных прав отстаивал последователь Жерсона Конрад Зумменхарт, а впоследствии ее развил номиналист Джон Мейджор. В своем комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского (1509) Мейджор, спустя столетие после Жерсона, делает логический вывод, что не только человеческие права и владычество являются естественными, но также и *частная* собственность. Ученик Мейджора Жак Альма (*Aurea Opuscula*, ок.1525) выразился ясно: «Естественное владычество, таким образом, есть власть распоряжаться или способность пользоваться вещами, которые люди могут задействовать применительно к внешним объектам, следуя предписаниям закона природы — по которому каждый может ухаживать за собственным телом и сохранить себя».

На протяжении XV столетия и в XVI веке активная теория естественных прав господствовала, кажется, безраздельно.